

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.4

Научная статья

УДК 316.4

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.4>**Экологическое поведение в современной России: мнения молодежи  
Южного федерального округа (по материалам фокус-группового исследования)****Вера А. Захарова<sup>1</sup>**<sup>1</sup>Крымский филиал ФНИСЦ РАН, г. Симферополь, Россия

e-mail: zakharova7vera@mail.ru

**Аннотация**

**Введение.** В статье представлены результаты социологического исследования мнений представителей молодежи Южного федерального округа по поводу формирования и развития экологического поведения, его доступных в России форматов, а также барьеров на этом пути. Актуальность обращения к изучению оценок молодыми людьми возможностей в сфере экологического поведения обусловлена невысокой активностью молодежи в экологических практиках при зачастую сформировавшемся запросе на экологический стиль жизни. Цель исследования – выявить степень вовлеченности молодежи в конкретные экологические практики; барьеры на пути экологизации собственной жизни и жизни общества; определить основные социальные институты, с деятельностью которых связываются экологические ожидания молодых людей.

**Методы.** Эмпирически исследование базируется на методе фокус-групп, проведенных с представителями молодежи в трех субъектах Южного федерального округа – Ростовской области, Республике Адыгея и Республике Крым в 2021 году. Критериями отбора участников, помимо региона проживания, стали возраст (15-29 лет), род основной деятельности (обучение в школе, колледже, вузе, работа), а также тип поселения, где проживает информант (город, село).

**Результаты и их обсуждение.** Результаты исследования показывают, что среди российской молодежи фиксируется сформированность запроса на экологический стиль жизни, при этом реальная включенность в экологические практики чрезвычайно низка и ограничивается, как правило, потребительскими практиками. Основными барьерами, препятствующими экологическому поведению, являются информационные, инфраструктурные и мотивационные. К основным институтам, которые могут и должны оказывать влияние на формирование экологического поведения, молодые люди относят семью, образование и государство. Во взглядах их представителей сочетаются элементы этатистского понимания источника гармонизации экологических отношений и убежденность в важности личного вклада граждан в дело экологизации собственной жизни и жизни общества.

**Ключевые слова**

молодежь; экологическое поведение; экологические практики; экологическая культура; фокус-группа.

**Для цитирования**

Захарова В.А. (2022). Экологическое поведение в современной России: мнения молодежи Южного федерального округа (по материалам фокус-группового исследования). *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 42–52. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.4>

**Environmental behavior in modern Russia: opinions of youth  
in the Southern Federal District (based on focus group research)****Vera A. Zakharova<sup>1</sup>**<sup>1</sup>Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

e-mail: zakharova7vera@mail.ru

**Abstract**

**Introduction.** The article presents the results of a sociological study of opinions of young people in the Southern Federal District on the formation and development of environmental behavior, its formats available

in modern Russia, as well as barriers on this path. The relevance of addressing the study of young people's assessments of their own capabilities in the field of environmental behavior is due to the low activity of young people in environmental practices with the often-formed demand for an environmental lifestyle. The purpose of the study is to identify degree of youth involvement in specific environmental practices; barriers to greening one's own life and the life of society; to identify main social institutions, whose activities are associated with the environmental expectations of young people.

**Methods.** Empirically, the study is based on the focus group method conducted with young people in three constituent entities of the Southern Federal District: Rostov Region, the Republic of Adygea and the Republic of Crimea in 2021. The criteria for selecting participants, in addition to the region of residence, were age (15-29 years), type of main activity (study at school, college, university, work) and type of settlement where informant lives (city, village).

**Results and its discussion.** The results of the study show that among Russian youth, the formation of the demand for an ecological lifestyle is recorded, while the real involvement in ecological practices is extremely low, and is limited, as a rule, by consumer practices. The main barriers to environmental behavior are informational, infrastructural and motivational. The main institutions that can and should influence the formation of environmental behavior include family, education and the state. The views of young people combine elements of statist understanding of the source of harmonization of environmental relations, and the conviction of the importance of the personal contribution of each citizen to the greening of their own life and life of society.

#### **Keywords**

youth; environmental behavior; environmental practices; environmental culture; focus group.

#### **For citation**

Zakharova V.A. (2022). Environmental behavior in modern Russia: opinions of youth in the Southern Federal District (based on focus group research). *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), P. 42–52. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.4>

### **Введение**

Особенностью экологического поведения российской молодежи выступает невысокая активность в экологических практиках при наличии элементов экологической культуры в виде комплекса экологических ценностей и установок. Причина видится в наличии ряда социальных барьеров, характер которых может способствовать экологической инфантилизации и росту индифферентных установок в отношении взаимодействия с природной средой. Это актуализирует научный интерес к исследованию роли отдельных социальных институтов в формировании и развитии экологического поведения молодежи, а также того, с какими из них в первую очередь связаны субъективные ожидания молодых людей на улучшение экологической ситуации и внедрение экологического образа жизни.

В отечественном и зарубежном научном дискурсе тема экологического поведения рассмотрена в нескольких направлениях, при этом молодежь как объект включена в него зачастую эпизодично. Отечественные ученые, как правило, исследуют экологическое поведение через призму феномена экологической культуры, выделяя поведенческую или деятельностьную сторону в качестве ее элемента (Маргар, 2011), либо отдельно изучая феномен экологических практик (Рыбакова, 2012), также можно встретить работы, рассматривающие экологическое поведение в ракурсе системного подхода (Сосунова, Мамонова, 2011). Зарубежные авторы чаще всего обращаются к концепту позитивного экологического (*positive environmental behavior*) (Hansmann, 2020; Stern, 2000), или проэкологического поведения (*pro-environmental behavior*) (Sawitria, Hadiyantob, Hadi, 2015), делая акцент на том, что оно складывается как результат влияния личностных и контекстуальных факторов (Stern, 2000).

Следует констатировать, что социологическое измерение изучения экологического поведения российской молодежи пока не находит широкого освещения, эмпирические исследования на эту тему носят, как правило, локальный характер (Журавлева, Зарубина, Кружкова, Рущицкая, 2019; Шишкина, 2008), либо касаются определенной группы молодежи, чаще всего студенческой (Ермаков, 2008; Ермолаева, 2012).

## Методы

Опираясь в методологическом плане на контекстуальную теорию П. Стерна, в данном исследовании рассматриваем экологическое поведение молодежи через составляющие его структурные элементы (индикативы) – экологическую культуру и экологические практики. Под экологической культурой понимаем совокупность ценностей и установок, отражающих отношение индивидов к природной среде и детерминирующих характер экологических практик как целенаправленной и осмысленной деятельности индивидов, ориентированной на преобразование природной среды в целях сохранения естественного баланса всех ее элементов как условия обеспечения необходимого жизненного ресурса.

Эмпирической основой исследования избран метод фокус-групп. В данном формате было организовано общение с представителями молодежи в трех субъектах РФ, входящих в Южный федеральный округ – Ростовской области, Республике Адыгея и Республике Крым в 2021 году. Критериями отбора участников, помимо региона проживания, стали возраст (15-28 лет), род основной деятельности (обучение в школе, колледже, вузе, работа), а также тип поселения, где проживает информант (город, село).

Обращение к качественным методам во многом было продиктовано результатами, полученными в ходе авторского социологического исследования «Роль высшего образования в формировании основных паттернов экологического поведения студенческой молодежи» (2019-2020 гг.), опиравшегося на метод массового опроса студентов ряда регионов Южного федерального округа. Анализ результатов проведенных социологических замеров позволил выявить определенный запрос студенчества на современные экологические императивы, однако он сформирован на оценочно-декларируемом (интерес и осознание важности и актуальности экологических проблем) и аффективно-оценочном уровнях (осознание положительных и отрицательных качеств экологической личности), но не сформирован на оценочно-деятельностном уровне (отсутствие мотивационной системы, реальных экопрактик) (Захарова, 2021, С.136). Полученные результаты обусловили необходимость 1) более детального изучения мотивационной сферы молодежи, как чувствительной к экологическим практикам, так и индифферентной к ним, а также особенностей восприятия барьеров на пути экологизации поведения; 2) включения в предметное поле исследования представителей учащейся и работающей молодежи с целью концептуализации выводов об основных тенденциях в области экологического поведения молодежи и его детерминант. Был введен и дополнительный критерий отбора участников – тип поселения (город/село).

## Результаты и их обсуждение

Участникам фокус-групп было предложено пояснить, что они вкладывают в понятия «экологично/неэкологично» в аспекте поведения и на чей пример они ориентируются при попытке подобного разграничения.

В понимании информантов экологическое поведение связано, прежде всего, с осознанными действиями, не наносящими вред природе или действиями, которыми этот вред можно уменьшить. Такая трактовка соответствует традиции, сложившейся в западной социологии и социальной психологии, когда экологическая значимость поведения определяется в зависимости от степени изменения доступности ресурсов окружающей среды или структуры и динамики развития экосистем (Stern, 1997). Упомянутая трактовка основы экологического поведения исходила от большинства информантов, хотя имела место разница в обосновании. Если среди участников фокус-групп в Ростовской области и Республике Крым в основном преобладал тезис о том, что поступать экологично – это значит не вредить природе, так как ее ресурсы на исходе и это может угрожать ныне живущим людям и качеству их жизни, то участники из Республики Адыгея чаще говорили об ответственности перед по-

томками, следующими поколениями. Очевидно, эту тенденцию можно связать с более сильным влиянием традиционной морали на молодежь Адыгеи и тем антропогенным воздействием, которое испытывают два других региона в связи с усилившимся турпоток, водной блокадой (Крым) и транзитными передвижениями с территории Украины (Ростовская область).

Исследование позволило зафиксировать достаточно высокий уровень озабоченности экологической проблематикой, но также показало, что эта озабоченность в ряде случаев носит характер своеобразного *comme il faut* («Я понимаю, что вопросы экологии должны меня волновать, так как эта тема сейчас повсюду, экологический кризис и так далее...», «Конечно, экология – это важно, сейчас большие проблемы с экологией, много мусора и загрязнений от человеческой деятельности», «Если честно (Вы же хотите честные ответы?), я понимаю, что экология это очень важно, но прямо сейчас меня эти вопросы не очень волнуют, много других, более насущных лично для меня проблем», «Конечно, волнуют, экология вообще сейчас в тренде»).

Информанты иллюстрировали озабоченность экологическими проблемами с помощью примеров негативного влияния человеческой деятельности в региональном и общегосударственном масштабе. Чаще всего упоминались такие проблемы, как накопление мусора (особенно пластика), обмеление рек (Дона), негативное влияние от пребывания туристов (снова в аспекте накопления мусора), неконтролируемая застройка, вырубка деревьев, загрязнение водоемов стоками, а также низкая экологическая культура населения.

К основным источникам, из которых черпается актуальная информация о состоянии экологии, можно отнести Интернет, в частности, группы в социальных сетях. На втором месте – коммуникация с родственниками, друзьями, коллегами и преподавателями.

Обращение к непосредственному общению с информантами помогло уточнить первоначальную гипотезу о доминирующем влиянии системы образования и государственных институтов на формирование и развитие экологического поведения молодежи.

Большинство информантов назвали семью пространством, в котором формируются основные экологические ценности и установки. Утверждения об этом можно классифицировать по степени убежденности от безапелляционных: «Безусловно, только семья, так как, если бы меня не воспитывали родители и бабушка в духе того, что нужно беречь природу и как это делать, то, честно вам скажу, вряд ли бы на меня как-то сумели благотворно в этом плане повлиять государство или школа» (жен., 20 лет, Крым), «Семья – это основа общества, родители и их родители передают нам традиции и знания, которые мы должны хранить. Природа – то, что окружало их и окружает нас, и мы должны относиться к ней с уважением, как нам завещают старшие, чтобы и нашим детям было где жить» (муж., 20 лет, Адыгея), до умеренных: «Конечно, семья сыграла главную роль в моем воспитании в целом и в отношении к экологии тоже» (жен., 21 год, Крым).

Многие молодые люди выделяют семью в качестве основного агента экологической социализации, подчеркивая ее роль в формировании системы ценностей и установок, то есть в оформлении экологической культуры как структурного компонента экологического поведения. Показательно, что примеров конкретных блоков знаний, усвоенных от родителей или членов семьи, практически не нашлось, информанты в основном говорят об общем ценностно-нормативном влиянии в наглядных примерах: «В тебя базу заложили, но это было уже так давно, что ты не помнишь, как это происходило, но просто помнишь, что нельзя мусорить, нельзя обижать животных, что нужно беречь природу...Потом, уже в школе рассказывают про экосистемы, в университете про правовые аспекты» (муж., 20 лет, Крым); «Не то чтобы со мной проводили тематические беседы, или еще что-то...но было воспитание в том смысле, что мусорить нехорошо, и что к животным нужно относиться хорошо, и ценить то место, где ты живешь, не вести себя по-хамски на природе» (муж., 19 лет, Ростовская обл.); «Мне мама всегда рассказывает о каких-то новостях,

или происшествиях экологических, эта тема присутствует, да. Мама же может мне напомнить не брать пакет на кассе, или купить что-то экологичное. Папа – нет, ему все-равно, во что покупки класть» (жен., 20 лет, Адыгея).

Впрочем, ряд информантов указал на невыполнение социализационной функции семьей в плане формирования экологического поведения: «Не могу сказать, что семья на меня как-то влияла в плане того, что нужно беречь природу, такие темы никогда не обсуждались, хотя я думаю, что она должна влиять, это важно, на самом деле» (жен., 19 лет, Крым).

Среди институтов влияния на сферу ценностей и установок молодежи в части утверждения экологических императивов можно также выделить школу и вуз, причем уверенно говорят о таком влиянии, как правило, те информанты, которые оценивают и первичное влияние семьи на формирование своего экологического сознания как позитивное.

Участники 15-16 лет, обучающиеся в старших и выпускных классах школы, отмечают усиление интенсивности трансляции экологической информации на уроках и внеклассных мероприятиях, но вместе с тем скептически высказываются о реальной результативности образовательных практик в аспекте влияния на экологическое поведение. Показательны в этом смысле мнения школьников старших классов Ростовской области: («Мало мероприятий, на которых просто рассказывают или показывают что-то интересное, чаще нам самим еще нужно подготовить презентацию, проект, какие-то доклады, и это по каждому предмету...», «Да, на уроках рассказывали про проблемы экологии, про то, что нужно сортировать мусор, показывали, какие маркировки есть и что они означают. Это расширяет кругозор, начинаешь более глубоко осознавать проблему. Но нужно постоянно, получается, эти знания освежать, потому что я, например, уже точно не помню, какая экологическая маркировка что означает. К тому же, я живу в поселке, и сортируй не сортируй мусор, а бак для него общий...», «Мы вот принимали участие в Экологическом диктанте, учитель про это рассказал. В итоге оказалось, что мы мало знаем по вопросам экологии, там достаточно сложные были вопросы», «Много разных образовательных мероприятий с экологическим уклоном, только большого смысла в них нет, потому что пока нам рассказывают про экологию, мусор все также продолжает накапливаться, и в магазинах повсюду пластик, пакеты, упаковка, свалки можно увидеть уже в черте города, и людям по-прежнему все равно».

Лишь несколько участников фокус-групп заявили, что чувствуют присутствие экологической «темы» на протяжении всей жизни благодаря семье, школе, вузу и работе. Однако, во всех случаях это было сопряжено с членством в общественных организациях экологического толка, вовлеченностью в волонтерскую деятельность (Республика Крым, Республика Адыгея), студенческий актив (Ростовская обл.), воздействием харизматичных преподавателей-энтузиастов, или с рекреационной направленностью трудовой деятельности (туризм, отельный бизнес, агробизнес).

В отношении второго индикатива, входящего в структуру экологического поведения, а именно экологических практик, спектр институтов, влияющих на формирование решающих мотивов деятельности, в оценках информантов остается похожим. В качестве значимых институтов экологической социализации молодые люди реже упоминают семью, чаще обозначают виртуальное пространство как важный информационный и мотивационный ресурс, обращают внимание на важность гражданской активности и самоорганизации в обществе.

Уровень осведомленности представителей молодежи об актуальных и доступных экологических практиках в регионе или стране в целом можно оценить как низкий, причем во всех регионах, где проводилось исследование. Больше всего примеров экопрактик смогли привести школьники и студенты, жители городов, меньше – представители работающей молодежи, а также жители села. В основном были названы практики, связанные с потреблением и досугом: отдельный сбор мусора,

сбор макулатуры, экономия воды и электроэнергии, использование многоразовой посуды и контейнеров для бытовой химии, сумок-шопперов, покупка экологичных продуктов питания, отказ от пластика, экотуризм, просмотр фильмов на экологическую тематику. Также упоминались субботники, акции по высадке деревьев, отправка сырья на вторичную переработку. Этот список, на первый взгляд, вселяет оптимизм, но после вопроса о том, в каких из перечисленных практик сами информанты принимают участие, перечень резко сократился, фактически, до ряда потребительских практик и участия в субботниках, не носящих системный характер. Также информанты, за редким исключением (учащийся школы, экоактивист), не смогли назвать разницу между мусором и вторсырьем, а также сказать, где в их городе можно сдать сырье на переработку (исключение составили несколько студентов из ЮФУ и Адыгейского государственного университета, благодаря студенческим инициативам по самостоятельной установке контейнеров для сбора вторсырья осведомленные о такой практике в своем вузе).

Следует отметить, что исключительно экологическая мотивация поведения у молодежи практически отсутствует, лишь несколько информантов сформулировали тезис о мотивах в альтруистическом ключе: *«...так как мне жалко природу, человеческая деятельность привела ее в ужасающее состояние, которое ухудшается с каждым днем» (жен., 20 лет, Крым), «...понимаю, что один человек не переломит ситуацию, но моя совесть будет чиста в том смысле, что я делаю все, что могу, чтобы мой экологический след не отягощал ситуацию» (муж., 22 года, Адыгея), «...потому что все начинается с себя, и если мой пример вдохновит или заставит измениться к лучшему хоть кого-то, считаю, это уже победа! Я читала о проекте, инициаторы которого доказывают, что минимальный процент экологически сознательных людей в каждой стране – 5%, и этого уже будет достаточно, чтобы улучшить ситуацию с экологией и изменить мировоззрение. Мне это очень понравилось и считаю, это выполнимо, нужно только правильно воздействовать на свое окружение» (жен., 20 лет, Крым).*

В основном мотивы молодых людей носят утилитарный уклон, соединяя экологические цели с другими: выбор шоппера – потому что модно и экологично; экономия ресурсов – потому что выгодно и к тому же экологично; участие в субботниках – экологично и повышает популярность, так как *«фиксируется на фото и распространяется в социальных сетях» (жен., 19 лет, Крым);* потенциальный выбор электромобиля вместо традиционного автомобиля – *«экологично и статусно, если это «Tesla», к примеру» (муж., 19 лет, Республика Адыгея).*

Для части информантов также важна уверенность в том, что их экологические действия принесут пользу: *«Когда мы принимали участие в субботнике, который организовал наш студсовет, было приятно видеть результаты своих усилий, и прохожие нас благодарили, захотелось еще в чем-то таком принять участие» (муж., 18 лет, Ростовская обл.), «Социальный комитет в нашем вузе записал ролик про экопривычки, и я там тоже снялась, так вот его уже просмотрели около 10 тысяч человек. Приятно осознавать, что другие могут немного больше узнать об экологичном способе жизни таким образом» (жен., 19 лет, Крым).*

Показательно, что никто из информантов не оценил свое поведение как полностью экологическое, больше половины от общего количества участников заявило о наличии отдельных элементов экологического образа жизни.

Молодые люди, проживающие в городах, принимают более активное участие в экологических практиках, что можно объяснить более развитой инфраструктурой, доступностью ресурсов, связанных с активным досугом, просвещением и потреблением, но вместе с тем выражают мнение о дефиците практик, связанных с непосредственным общением с природой. Интересно, что городские жители рассматривают экологичную жизнь как результат своей активной деятельности и осознанного выбора, иногда – как результат того, что *«наконец-то наши люди начинают вести себя*

цивилизованно в отношении экологии», а жители сел – часто как данность, среду, иногда как результат, наоборот, «дефицита цивилизации».

Молодежь усматривает достаточно много барьеров на пути экологизации собственного поведения и улучшения экологической ситуации в стране в целом. Основные из них можно объединить в три группы:

1. Информационные. Если использовать определение П. Стерна, фиксируется «дефицит знаний» (Dietz & Stern, 2002) как процедурных (где проходят актуальные экомероприятия, где расположены пункты сдачи вторсырья и опасных отходов, так как эту информацию можно получить либо в ходе целенаправленного поиска в сети Интернет, либо через осведомленных знакомых, поскольку телевидение, радио, наружная реклама такую информацию не транслируют в режиме повседневной доступности), так и знаний о последствиях своей деятельности (к примеру, о том, сколько места экономится благодаря вторичной переработке, а не захоронению отходов, или о времени разложения полиэтиленового пакета в почве). Серьезные затруднения у информантов вызвал вопрос о программных или стратегических документах, в которых отображены цели и ориентиры государства в области экологической политики, и лишь несколько человек знали о региональных общественных организациях и проектах экологической направленности.

2. Инфраструктурные, тесно связанные с оценкой деятельности институтов, осуществляющих экологическую политику (декларативный характер управленческих практик, связанных с охраной природы и экологической безопасностью), к примеру, парадоксы курса на раздельный сбор мусора: *«Во многих дворах появились баки для раздельного сбора мусора, но они, во-первых, не такие, как «на континенте» (прим.: так крымчане часто говорят об остальной территории РФ), не так оформлены, это просто старые баки, на которых теперь написано «стекло», «бумага» и т.д. – нашим людям этого не достаточно, чтобы реально сортировать мусор, и потом, часто можно увидеть, как из этих контейнеров все сваливается в одну машину – спрашивается, зачем тогда нужно все это делать, ради показухи? Понятно, зачем это властям, но рядовых граждан так не убедишь» (жен., 23 года, Крым), или отсутствие возможностей использовать технические новинки и изобретения: «Даже если я захочу заменить свой автомобиль на электромобиль, где мне его заряжать? В регионе практически отсутствуют станции подзарядки, насколько мне известно, а запас хода у таких машин – в среднем, 100 км., я за день могу вдвое больше проехать. Электроавтобусов, насколько я знаю, у нас тоже нет, только троллейбусы остаются, поэтому я сильно природе не помогу, если выберу общественный транспорт, зато везде опоздаю. Пока такие вот инфраструктурные моменты не будут решены, нечего говорить о каком-то экологическом курсе нашей страны» (муж., 22 года, Адыгея).*

3. Мотивационные. Отсутствие стимулов к экологическому поведению и необходимость дополнительных затрат времени, денег, а также преодоления непонимания или равнодушия со стороны окружения, иногда – страх («Я бы, может, и принял участие в протестной акции или митинге по поводу экологической проблематики, она же буквально повсюду – свалки образуются стихийно, «отжимаются» территории пляжей и парков, заповедников. Но участие в подобном, прямо скажем, не всегда удачно оборачивается для учебы и карьеры, тут нужно быть фанатом природы. Думаю, многие мои сверстники тоже далеки от таких инициатив – может, тут и недостаточная правовая грамотность играет роль, я вот, допустим, не уверен, что точно знаю свои права по участию в публичных акциях» (муж., 18 лет, студент, Крым).

Характерно, что молодежь всех возрастов довольно остро реагирует на малую экономическую доступность экотоваров и экопрактик: «Экологичные товары стоят дорожке» (муж., 19 лет, Крым), «Если привести пример с упаковкой – ведь бумажный пакет стоит дорожке пластикового, а нужно, чтобы было наоборот, или хотя бы нужно включать эти затраты в стоимость товара – у нас такая в стране ценовая

политика, что особо никто не заметит, а эффект будет, я уверен» (муж., 22 года, Адыгея). О подобном говорят и молодые предприниматели: «Естественно, никакой сознательности от бизнеса в этом плане ожидать не стоит, т.к. сейчас в России мало-мальски крепкий бизнес, связанный даже не с металлургией там какой-нибудь, а с производством продуктов питания, не совместим с экологической позицией. Пластиковая упаковка намного дешевле, и вот пример, так сказать, личный – я по работе связан с производством молочной продукции, и на заре деятельности у нас возникла инициатива перейти полностью на стеклянную тару, вроде и экологично, и свой винтажный стиль, ностальгия по советским бутылочкам с крышкой из фольги и т.д. Так вот, мы подсчитали, что это будет абсолютно не рентабельно, механизма возврата тары нет, плюс затраты на производство, транспортировку, риски большие, и никто нас за наши благие намерения поощрять или поддерживать не собирается, я государство имею в виду. А вот если бы такие инициативы давали возможность снизить ставку по кредиту, или давали какие-то арендные льготы, это бы помогло, о таком можно было хотя бы задумываться». (муж., 27 лет, Адыгея).

Относительно основных институтов, ответственных за экологическую обстановку в регионе и стране в целом, участники фокус-групп демонстрируют несколько эклектичные взгляды, так как, с одной стороны, говорят о ведущей роли государства («Наше государство обладает такими ресурсами и прибылью от продажи полезных ископаемых, что обязано этот ущерб выравнивать за счет экологических инвестиций, настоящих, а не на бумаге. Считаю, государство должно повлиять и на инфраструктуру в городах и селах, и решить проблему с мусором – никто ведь больше это сделать не в силах» (жен., 22 года, Крым), «Конечно, самый главный субъект в экологической политике – это государство, оно может благотворно воздействовать на поведение молодежи и через экологические инициативы, и через повышение уровня общей культуры, и через воспитание уважения к себе (государству), и к другим людям. Если молодежь слушает Моргенштерна и смотрит стримы в Тиктоке, будет очень сложно им доказать что-то про любовь к природе и самоограничения. И если человек думает, как ему прожить на зарплату в 17 тысяч, разве ему можно всерьез говорить про то, что он должен выбирать органическую продукцию, или купить электромобиль за 3 миллиона? Так что государство должно прежде всего заботиться об общей культуре и уровне жизни населения, и тогда и экологическая повестка будет актуальной» (муж., 20 лет, Крым)), а, с другой стороны, обращают внимание на значение самодисциплины и роли общественности в вопросах природоохраны и развития экологического поведения («Будут ли люди вести себя экологично, зависит во многом от них самих. Многие наши граждане привыкли жить в мусоре, им нормально, они не чувствуют дискомфорта, и детей своих так же воспитывают. Большинство просто не воспринимает пока экологическую тему, может, это из-за голодных 90-х. Но я уверен, что понемногу количество людей, которые готовы показывать пример экологического поведения, растет, и это именно молодежь, а значит, и эффект скоро будет. Надоест всем в пластике плавать, и придется себя ограничивать» (муж., 25 лет, Ростовская обл.), «Сейчас столько разных пабликов в соцсетях, столько групп и образовательных платформ, что вполне можно восполнить дефицит знаний, можно найти единомышленников, организовывать экоакции, найти лайфхаки, заниматься экопросвещением. Ходить пешком, убирать за собой, и, возможно, за другими, не использовать пакеты, это же все не требует денежных затрат, нужно только желание» (жен., 21 год, Крым).

Несмотря на элементы этатизма в отношении ответственности за «экологический след», молодежь готова предлагать свои варианты улучшения ситуации, в основном фиксируется запрос на креативные экологические практики: «Нужно, чтобы эффект от экологической деятельности был виден, чтобы человек понимал, что он реально помогает, потому что это для многих очень хороший стимул – осознавать, что ты сделал доброе дело. Например, когда закрепляется шефство над каким-то



деревом, или животным в зоопарке. Я такое видела в Москве, и подумала, что это здорово – когда трудовой коллектив или конкретный человек не пытается понять, как это – всю планету спасти, а заботится о ком-то или чем-то конкретном» (жен., 20 лет, Крым), «У нас в стране есть один сайт приюта для животных, и когда человек перечисляет деньги на прокорм или лечение животного, он в режиме реального времени видит это животное через веб-камеру, когда захочет, может следить, как оно себя чувствует и т.д. Но, опять же, это все общественные инициативы, добровольческие. Нужно больше таких практик, и чтобы их поддерживало государство» (муж., 21 год, Крым), «Молодежь всегда может придумать что-то интересное, креативное, увлечь сверстников, ей только нужно дать свободу и немного средств. Свободу именно от и до, чтобы не нужно было писать отчеты, или проходить по инстанциям» (муж., 20 лет, Ростовская обл.), «Государство должно уделять внимание стартапам, в том числе связанным с экологией, чтобы человек мог что-то придумать и внедрить сразу, без того, чтобы упрасивать кого-то выдать разрешение, или патент, или субсидию» (муж., 19 лет, Крым), «Больше экологической рекламы, не контекстной, когда если ты уже в теме, тебе и будут слать эко-посты. А именно навязывать эко-привычки, наглядно показывать вред от деятельности человека. Но только не в форме лекций, или буклетов, а так, чтобы это «цепляло», с привлечением большого количества молодежи, с возможностью выступить с инициативой» (жен., 20 лет, Крым), «Должна быть визуальность эффекта, как положительного, так и отрицательного» (жен., 19 лет, Адыгея), «Нужен комплексный подход к экологии, чтобы население было уверено, что его правомерное поведение кому-то нужно, что нарушители закона обязательно будут наказаны. Бизнес, если влил инвестиции в какой-то эко-проект, должен быть уверен, что этот проект и бизнес заодно никто не отберет, нужна уверенность, что можно планировать деятельность» (муж., 24 года, Адыгея).

Наибольший энтузиазм в плане перспектив экологической активности и преодоления барьеров на этом пути проявляют представители студенческой молодежи начальных курсов обучения, наименьший – работающие молодые люди старшего возраста, чаще демонстрирующие понимание объективной сложности экологической ситуации, не сопряженное при этом с ориентацией на экологическое поведение.

### Заключение

По итогам проведенного фокус-группового исследования, можно заключить, что в молодежной среде сформированные экологические ценности и установки зачастую не реализуются в формате экологических практик из-за обширного спектра негативных контекстуальных факторов, фиксируя экологическое поведение как пассивное, формально-декларативное или индифферентное. В то же время, в ряде случаев благодаря позитивным контекстуальным факторам, установки находят закрепление в экологическом поведении.

Складываются своего рода две параллельные реальности: первая – в которой наличествуют экологические движения, креативные идеи, активизм и сознательность, но она реальна для очень ограниченного круга молодежи – пришедшей в нее благодаря примеру значимых других, самовоспитанию и самообразованию, вовлеченной в волонтерство и эко-потребление благодаря ситуационно эффективной экологической пропаганде, прагматическим соображениям или личному опыту, отдельным энтузиастам от образования и общественной деятельности, сумевшим оказать сильное влияние на формирование ценностей, установок и практик молодого человека или группы молодежи. И вторая реальность, значительно более обширная – где экологическая политика реализуется декларативно, экологический активизм подавляется бюрократическими процедурами, результативность мероприятий, направленных на развитие экологической культуры и

стимулирование экологического поведения молодежи фиксируется благодаря формальным показателям, а экологический энтузиазм блокируется рядом барьеров.

Можно вспомнить в этой связи замечание Ю.А. Зубок (Зубок, Чупров, 2020), что характерной чертой молодежной политики в современной России является, помимо прочего, и то, что в фокус внимания государственных программ и институциональных практик регулирования молодежного сегмента попадают в основном представители «полярных» групп молодежи – либо маргинальная, подверженная разного рода девиациям, на которую направлены усилия по позитивной ресоциализации, либо талантливая и активная, требующая разного рода поощрений и инвестиций. Основная же масса молодежи, не проявляющая признаков девиантного поведения, но и не демонстрирующая выдающихся способностей в какой-либо сфере общественной жизни, не является предметом пристального внимания с точки зрения поиска оптимальных «рычагов» воздействия на поведение. Представляется, что данная тенденция имеет место и в сфере формирования и развития экологического поведения российской молодежи.

Подтверждается и тезис, что «формирование грамотной государственной семейной политики в России в целях повышения ее социализационного потенциала как актора формирования экологической культуры молодежи предполагает необходимость столь же грамотной и эффективной политики государства в сфере образования, спорта и туризма, поскольку семье в одиночку не справиться с проблемой дистанцирования молодежи от природы и приобщения к природе, к ее ценностям» (Бандурин, Верещагина, Самыгин, 2015).

Актуализируется проблема комплексного подхода к вопросу институционального влияния на процесс формирования и развития экологического поведения молодежи, поскольку, если 10 лет назад о такой необходимости писали ученые, то ныне о ней говорят сами информанты.

#### Литература

Бандурин, А.П., Верещагина, А.В., Самыгин, С.И. (2015) Семья и ее социализационный потенциал в контексте обеспечения экологической безопасности России. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 9, 55-58.

Ермаков, Д.С. (2008) Формирование экологической компетентности учащихся. М.: *Российский ун-т дружбы народов*, 159.

Ермолаева, П.О. (2012) Экологическая культура российского и американского студенчества. *Социологические исследования*, 12 (344), 80-88.

Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Кружкова Т.И., Рущицкая О.Е. (2019) Потребительское поведение молодежи: новые тенденции (исследование в вузах Екатеринбурга). *Муниципалитет: экономика и управление*, 3 (28), 80-89.

Захарова, В.А. (2021) Высшее образование в системе развития экологического поведения российской молодежи. *Гуманитарий Юга России*, 10(3), 128-137. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.10>

Зубок Ю.А., Чупров В.И. (2020) Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 304.

Марар, О.И. (2011) Экологическая культура в современном российском обществе: актуальные проблемы. М.: Изд-во МНЭПУ, 226.

Рыбакова М.В. (2012) Социальные экологические практики: состояние и механизмы управления. М.: КДУ, 318.

Сосунова И.А., Мамонова О.Н. (2011) Экологическое поведение граждан и качество жизни в условиях глобализации. *Философия и социальные науки*, 3/4, 62—66.

Шишкина Е.А. (2008) Экологические практики как фактор формирования экологической культуры (по материалам Астраханской области). *Социологические исследования*, 9, 79-84.

Dietz, T., Stern, P.C. (2002) Exploring new tools for environmental protection, 3-15 in Dietz, T., and Stern, P.C., eds. *New Tools for Environmental Protection: Education, Information, and Voluntary Measures*. Washington: National Academy Press. DOI: <https://doi.org/10.17226/10401>

Hansmann, R., Binder, C. (2020) Determinants of Different Types of Positive Environmental Behaviors: An Analysis of Public and Private Sphere Actions. *Sustainability*, 12(20). DOI:10.3390/su12208547

Sawitria, D., Hadiyantob H., Hadi, S. (2015) Pro-environmental Behavior from a Social Cognitive Theory Perspective. *Procedia Environmental Sciences*, 23, 27-33. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.proenv.2015.01.005>

Stern, P. C. (1997) Toward a working definition of consumption for environmental research and policy, 12-35 in Stern, P.C., Dietz, T., Ruttan, V.R., Socolow, R.H., and Sweeney, J.L., eds. Environmentally significant consumption: Research directions. *Washington: National Academy Press*.

Stern, P. C. (2000) Toward a coherent theory on environmentally significant behavior, *Journal of Social Issues*, 56, 407-424.

### References

Bandurin, A.P., Vereshchagina, A.V., Samygin, S.I. (2015) Family and its socialization potential in the context of ensuring environmental safety in Russia. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 9, 55-58.

Ermakov, D.S. (2008) Formation of ecological competence of students. M.: RUDN University Publ., 159.

Ermolaeva, P.O. (2012) Environmental culture of Russian and American students. *Sociological Research*, 12 (344), 80-88.

Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Kruzhkova T.I., Rushickaya O.E. (2019) Consumer behavior of young people: new trends (research in the universities of Yekaterinburg). *Municipality: Economics and Management*, 3 (28), 80-89.

Zakharova, V.A. (2021) Higher education in the system of development of ecological behavior of Russian youth. *Humanities of the South of Russia*, 10 (3), 128-137. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.10>

Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2020) Youth in the cultural space: self-regulation of life. M.: Norma, 304.

Marar, O.I. (2011) Environmental culture in modern Russian society: actual problems. M.: International Independent University of Environmental & Political Sciences Publ., 226.

Rybakova, M.V. (2012) Social environmental practices: state and management mechanisms. M.: KDU Publ., 318.

Sosunova I.A., Mamonova O.N. (2011) Environmental behavior of citizens and quality of life in the context of globalization. *Philosophy and Social Sciences*, 3/4, 62-66.

Shishkina E.A. (2008) Environmental practices as a factor in the formation of environmental culture (based on the materials of the Astrakhan region). *Sociological Research*, 9, 79-84.

Dietz, T., Stern, P.C. (2002) Exploring new tools for environmental protection, 3-15 in Dietz, T., and Stern, P.C., eds. *New Tools for Environmental Protection: Education, Information, and Voluntary Measures. Washington: National Academy Press*. DOI: <https://doi.org/10.17226/10401>

Hansmann, R., Binder, C. (2020) Determinants of Different Types of Positive Environmental Behaviors: An Analysis of Public and Private Sphere Actions. *Sustainability*, 12(20). DOI:10.3390/su12208547

Sawitria, D., Hadiyantob H., Hadi, S. (2015) Pro-environmental Behavior from a Social Cognitive Theory Perspective. *Procedia Environmental Sciences*, 23, 27-33. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.proenv.2015.01.005>

Stern, P. C. (1997) Toward a working definition of consumption for environmental research and policy, 12-35 in Stern, P.C., Dietz, T., Ruttan, V.R., Socolow, R.H., and Sweeney, J.L., eds. Environmentally significant consumption: Research directions. *Washington: National Academy Press*.

Stern, P.C. (2000) Toward a coherent theory on environmentally significant behavior, *Journal of Social Issues*, 56, 407-424.

Дата получения рукописи: 18.01.2022

Дата окончания рецензирования: 20.02.2022

Дата принятия к публикации: 23.02.2022

### Информация об авторе

**Захарова Вера Александровна** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Крымский филиал, г. Симферополь; e-mail: zakharova7vera@mail.ru

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов**

### Information about the author

**Vera Alexandrovna Zakharova**– Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol; e-mail: zakharova7vera@mail.ru

**The author has no conflict of interests to declare**